

.....

.....

Время шло среди прощаний и шумных споров.

Хотя все еще не было признаков, что Су Ли и те южане, которых он представлял, оставили свои убеждения, которые они удерживали в течение бесчисленных лет, все уже могли видеть сквозь бесчисленные детали того, что слияние севера и юга уже было неизбежным. В это время относительно пустяковое дело смогло подавить это великое событие.

Оно называлось пустяковым делом, потому что это была помолвка.

Согласно новостям из Дворца Ли, во время личного разговора Поп признал, что он уже аннулировал помолвку между Чэнь Чаншэном и Сюй Южун.

Новости в тайне распространились по столице и различным регионам континента, но не было ни капли доказательств. Однако, продолжающаяся тишина поместья Божественного Генерала Востока и Ортодоксальной Академии постепенно вынудила людей поверить в это.

Во время Фестиваля Плюща южная дипломатическая миссия сделала предложение для Цюшань Цзюня. В то время все еще неизвестный Чэнь Чаншэн распахнул двери и вошел, вынимая брачный контракт. Затем прилетел Белый Журавль.

С того мгновения и до настоящего времени эта помолвка стала темой для обсуждений всего континента, так как вовлекала трех молодых людей мира людей с величайшим будущим и наиболее выдающимся талантом, и также включала многие другие дела: Ортодоксию, Пик Святой Девы, Божественную Императрицу, клан Цюшань и Секту Меча Горы Ли. Можно было сказать, что великие силы континента все были соединены этой помолвкой.

Как это могло вот так просто закончиться?

Если это дело было правдой, что Чэнь Чаншэн отправился по собственному желанию к Попу и запросил его аннулировать помолвку, как могло поместье Божественного Генерала Востока, над которым так долго насмехались из-за этого, справиться с этим? Теперь, когда Небесный Феникс, любимая, даже почитаемая всеми, столкнулась с этой постыдной ситуацией, что она чувствовала в этот миг?

Многие люди из-за этих слухов сильно разозлились на Чэнь Чаншэна, особенно поклонники Сюй Южун.

Но, в конце концов, это были всего лишь слухи. Никто не мог подойти к Попу и прямо спросить его, так что, естественно, не было причин идти в Ортодоксальную Академию, чтобы выразить свое раздражение.

Даже для людей, которые хотели увидеть Чэнь Чаншэна и спросить его, было ли это правдой или нет, было очень трудно найти Чэнь Чаншэна. Как результат, все эти эмоции лишь могли задерживаться и накапливаться. Возможно, злоба, возможно, насмешки, или, возможно, просто желание увидеть спектакль - по всем этим причинам и эмоциям весь континент все больше ждал возвращения Сюй Южун в столицу, ждал битвы между двумя, которые, как казалось, были связаны судьбой.

.....

.....

Чэнь Чаншэна действительно было трудно встретить, потому что в последние несколько дней он редко появлялся на людях, особенно после распространения слуха, что он попросил Попа аннулировать помолвку.

Он чувствовал некоторую вину относительно Сюй Южун из-за этого дела. Потому что она была юной леди, он решил хранить молчание и ожидать возвращения Сюй Южун в столицу, думая о каком-либо способе рассказать ей об истинных фактах этого дела. Он позволит ей поднять вопрос аннулирования помолвки перед целым миром, а затем продолжит от этой точки. Если сделать это подобным образом, возможно, ей не потребуется терпеть странные взгляды, даже если эти взгляды были наполнены жалостью. Что касается неизбежных насмешек и симпатии, которая падет на одну половину помолвки, он мог взять ее не себя. В конце концов, он был мужчиной.

Он по какой-то причине никогда не встречал Сюй Южун, но он был совершенно уверен, что она не была кем-то, кто принял бы симпатию других.

Так что даже тогда, когда Танг Тридцать Шесть услышал слухи и пришел спросить, он лишь покачал головой в ответ.

Что касается дела помолвки или любви между другими, юноша, который покинул столицу, не понимал. Лишь после Сада Чжоу он узнал, что это было одним и тем же.

Он любил девушку, эта девушка была мертва.

Его однажды любила девушка, но эта девушка ушла.

Он надеялся, что Сюй Южун повезет больше, чем ему.

В этот период времени он прилагал все усилия, чтобы избегать контакта с другими людьми, вместо этого решив намного чаще встречаться с Черной Драконихой.

Он часто ходил в пространство под колодцем Нового Северного Моста, принося Черной Драконихе все виды еды, особенно большую сковороду риса Ортодоксальной Академии, которую она упомянула по названию.

Каждый раз, когда Черная Дракониха создавала вид нежной и тихой манеры, пока медленно ела, он всегда присаживался у каменной стены, исследуя формацию и цепи, которые пленили Черную Драконику. Только вот он никогда не мог достичь какого-то прогресса.

В определенную ночь перехода от осени к зиме уже было три часа и три четверти часа среди ночи, но Чэнь Чаншэн еще не спал.

Он стоял у окна, глядя на большой баньян, на котором не было листьев, и на озеро, которое уже начало покрываться тонким слоем льда. Он думал о некоторых вещах, а затем услышал звук пения с другой стороны стены.

В недавнее время он часто слышал эти звуки пения ночами. Юноша покачал головой.

Ортодоксальная Академия уже стала известным зрелищем столицы. Из-за временной паузы в

матчах гораздо меньше людей из столицы приходило посмотреть, хотя количество туристов с графств не уменьшилось, а даже увеличилось. Если сложить вместе студентов и лекторов Ортодоксальной Академии, а также рабочих, было по крайней мере несколько сотен человек. Везде, где были люди, была возможность для бизнеса, а бизнесмены никогда не упустят такую возможность. Все витрины на улице прямо напротив Аллеи Сотни Цветений были куплены или арендованы, а затем перестроены под все виды бизнеса. Там были таверны и рестораны, и с каждым проходящим днем здесь было все оживленнее.

Таверны и рестораны каждый день вели хороший бизнес до самой ночи. Некоторые из завсегдатаев были невероятно известными людьми, но, конечно же, еще больше из них было студентам Ортодоксальной Академии. Независимо от того, какими строгими были правила академии, и насколько хорошо охранялись врата, студенты всегда находили способы одержать победу над сторожкой у ворот и стенами академии, а затем заходили в те таверны и рестораны и делали все те вещи, которые так любят молодые люди.

Как есть, пить, наслаждаться музыкой, общаться о жизни, и подобном...

Естественно, учителя Ортодоксальной Академии желали контролировать студентов, но не могли. Они также хотели закрыть эти рестораны, которые приносили столько активности, но это было крайне проблематично. Ни кавалерия Ортодоксии, ни Департамент Городских Врат, ни Имперская Стража не могли справиться с этими ресторанами. Что касается Танга Тридцать Шесть, кто действительно обладал способностью решить вопрос ресторанов и таверн напротив Аллеи Сотни Цветений, для него было неудобно появляться, потому что два из этих ресторанов и одна из таверн были открыты им.

Они все еще были наполнены людьми глубоко ночью. Пение с другой стороны стены становилось все громче и яснее, дрейфуя в Ортодоксальную Академию.

Чэнь Чаншэн как раз думал о том, чтобы найти те бархатные затычки для ушей, которые Мо Юй оставила здесь одной ночью, и засунуть их в уши, чтобы заснуть, когда вдруг был привлечен словами песни.

Певцом, вероятно, был один из новых студентов Ортодоксальной Академии. Его голос был очень плохим, а сам он, вероятно, все еще был в том периоде времени, когда его голос менялся, но его голос был очень громким. Слова этой песни были очень простыми. Их нельзя было описать элегантными, и даже можно было назвать довольно грубыми, но они были наполнены вкусом, присущим молодежи. В паре с голосом молодого человека эта песня, как казалось, была особенно переполнена жизненной энергией.

«Юнцы - это все виды красного, если ты герой, если ты хочешь дождя, должен пойти дождь, если ты хочешь ветра, возникнет ветер, карп, который перепрыгивает через Драконьи Врата, должен быть другим...» (прим.пер. Это слова из песни 中国 китайского певца Хуан Аня).

Чэнь Чаншэн стоял у окна и тихо слушал.

Слушая эту песню, он думал о людях и вещах, с которыми столкнулся в свои два года в столице. Он находил трудным оставаться спокойным, пока бесчисленные эмоции вырывались наружу, как прилив.

Да, вырывались вперед подобно прибою.

Он однажды считал, что такое описание было преувеличением романтических историй, но теперь он знал, что все это было правдой.

Юноша подсознательно гладил каменные жемчужины на запястье, а затем вернулся в Сад Чжоу.

В последние несколько дней он часто ходил в Сад Чжоу, растерянно сидя среди равнин.

Возможно, потому, что ему казалось, как будто с этими монстрами было проще общаться, чем с людьми.

Эти монстры были очень послушными. Согласно его планам, они углубили водные каналы и восстанавливали равнины и озера. Если добавить к этому саморемонт из-за открытия сада, Сад Чжоу уже вернул часть своей былой внешности.

Он желал тратить свои несравненно драгоценные время и энергию на Сад Чжоу, потому что хотел оставить мемориал.

Юноша стоял в конце Божественного Пути Мавзолея Чжоу, глядя, как Свергающий Горы Бес внизу направлял десятки тысяч монстров, восстанавливая Путь Белой Травы.

Монстры были плотной, черной массой.

Это зрелище показалось знакомым юноше, а затем он вспомнил, как он был здесь с ней, наблюдая, как монстры движутся к ним с равнин подобно волне.

Поэтому грусть и тоска нахлынули на него подобно волне.

.....

.....

На официальной дороге к югу от столицы величественно двигался конвой из нескольких десятков повозок.

Несколько сотен всадников юга, сидя на лошадях драконьей крови, вели бдительный надзор над окружениями, защищая конвой.

Несколько десятков учеников из Храма Южного Потока, а также представители различных сил юга сидели в повозках.

Повозка среди конвоя явно обладала высочайшим статусом, потому что в нее были запряжены восемь белоснежных пегасов.

Эта повозка была огромной, так что было более уместно называть ее имперской повозкой.

Внутри сидела Сюй Южун.

Ее черные волосы лежали на ее волосах, контрастируя с ее кожей, которая была подобна белому нефриту.

Простые люди любили использовать фразу 'внешность, как картина', чтобы описывать красивых женщин, но ее красоту невозможно было выразить чернилами и кистью.

Ее ресницы были очень длинными, ее губы - очень красными. Ее лицо было безупречным, ее красота - чистой, но это не оказывало давления на других.

Потому что ее красота была очень умиротворяющей.

Как и чайный холм после дождя, поверхность озера прямо перед дождем, туманы Пика Святой Девы, дым, поднимающийся из дымоходов маленькой деревни.

Ее возвращение в столицу в этот раз было с целью сообщить миру несравненно важную информацию.

В прошлые несколько дней как Великая Чжоу, так и Юг делали приготовления для слияния севера и юга, и информация, которую она несла с собой, содержала предварительные требования или разрешения для всего этого.

А затем она должна была посетить установленную встречу, установленную битву.

Весь континент, даже демоническая принцесса города Сюэлао, ждали этой битвы.

С точки зрения многих, в сравнении с Принцессой Демонов Нанькэ этот человек был ее истинным врагом судьбы.

Потому что он однажды был ее женихом, а теперь он, в глазах многих, аннулировал помолвку. Он был холодным человеком, который принес ей позор.

Конвой вдруг остановился. С несколькими мягкими звуками женщина подняла занавес и села в повозку. Глядя на Сюй Южун со сложными эмоциями, она сказала: «Боевая Племянница, мы почти в столице».

Женщина была старейшиной внешней секты Храма Южного Потока, Хэ Цинбо, ее культивация была на среднем уровне Конденсации Звезд.

Сказав это, Хэ Цинбо вдруг вспомнила что-то, и на ее лице появилось напряженное выражение. Она довольно пристыженно сказала: «Цинбо оговорила, я прошу у главы храма прощения».

«Боевой Тете не стоит быть настолько вежливой».

Сюй Южун посмотрела на нее, говоря это, а затем вышла из повозки.

Когда она двигалась, ее черные волосы и белые церемониальные одеяния парили в воздухе.

Передняя часть ее волос была невероятно ровной, как будто была обрезана острейшим мечом. Когда волосы покачивались назад и вперед, это заставляло выражение в ее глазах казаться более спокойным и сильным.

Ее белые церемониальные одеяния у пояса были перевязаны поясом, переплетенных многими звездами. Не было соответствующего меча, потому что она прибыла в столицу, чтобы получить меч.

Лук Тун лежал в углу повозки. Она не носила его в руках, потому что на некоторое время не хотела, чтобы определенный человек в столице увидел этот лук.

В том углу также был зонтик.

Достигнув официальной дороги, она обратила свой взгляд к слабо различимому городу на горизонте, медленно помещая руки за спину.

У столицы не было городских стен и городских врат с каким-то значительным чувством, так что, когда она была маленькой, она была озадачена тем, для чего был нужен Департамент Городских Врат.

С ее появлением окружающие всадники Юга спешили так быстро, как это возможно, и поклонились на земле.

Ученики Храма Южного Потока, которые спустились с повозок, и министры тоже начали поклоняться.

Они поклонялись, потому что должны были отдать дань почтения.

«Отдаем дань почтения Святое Деве».

Сюй Южун все еще смотрела на столицу.

Уже прошло несколько лет с тех пор, как она была здесь в последний раз, но она не была чужаком в столице.

Потому что ее дом был здесь, Мо Юй, Принцесса Пин, а также многие люди, которых она знала в детстве, были здесь, Императрица была здесь, а теперь и тот парень тоже был здесь.

В лазурном небе вдруг появились две полосы, одна белая, а другая серая, летя в столицу.

Увидев это, она вернулась к земле и осознала, что все отдавали ей дань почтения.

Прошло уже несколько дней с того инцидента, но она все еще не привыкла к этому. Она не знала, какими словами должна ответить этим благоговейным и уважительным приветствиям.

Она внезапно вспомнила те равнины в Саду Чжоу, и какие слова она часто говорила, когда тот парень нес ее на спине. В то время она никогда не забывала говорить эти слова тому парню, потому что эти слова представляли ее глубочайшее желание сердца. Возможно... это был наиболее подходящий ответ?

Впоследствии она взглянула на толпу и сказала: «Пусть Священный Свет пребудет со всеми вами».

.....

...